ЧИТАЕМ ПО ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ

ПОЛЛИАННА

ПОЛЛИАННА ВЫРАСТАЕТ

ЭЛИНОР ПОРТЕР

ПОЛЛИАННА

ПОВЕСТИ

Москва
2023

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44
П60

Портер, Элинор.

П60 Поллианна : повести / Элинор Портер ; [перевод с английского Константина Молькова]. — Москва : Эксмо, 2023. — 528 с. — (Читаем по школьной программе).

ISBN 978-5-04-179650-1

Поллианна — одна из самых известных героинь мировой литературы. Её оптимизм и умение радоваться жизни покорили миллионы читателей.

В книгу вошли две повести Элинор Портер: «Поллианна» и «Поллианна вырастает». Новый перевод Константина Молькова.

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-179650-1

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ПОЛЛИАННА

ПОВЕСТЬ

Перевод Константина Молькова

Моей кузине Белль

Глава I
МИСС ПОЛЛИ

Мисс Полли Харрингтон энергичным шагом вошла в кухню. Поскольку мисс Полли никогда в двери не входила, но, как и положено настоящей леди, величественно *вплывала* в них, легко было догадаться, что в это июньское утро она очень куда-то торопится. Или сильно чем-то взволнована. Или то и другое вместе.

Нэнси, мывшая в раковине посуду, бросила на неё удивлённый взгляд. Хотя в этом доме Нэнси работала всего два месяца, она уже успела достаточно много узнать о привычках своей хозяйки.

— Нэнси!

— Да, мэм, — бодро, но при этом довольно равнодушно откликнулась Нэнси, продолжая оттирать тряпкой кувшин, который держала в руках.

— Нэнси! — голос мисс Полли сделался строже и суше. — Когда я разговариваю с тобой, ты должна бросить все свои дела и внимательно слушать, что я тебе скажу.

Нэнси покраснела, неловко принялась ставить на стол недомытый кувшин вместе с тряпкой, едва не опрокинула его на пол и окончательно смутилась.

— Да, мэм. Я буду вас слушать, мэм, — забубнила она, поправляя злополучный кувшин. — Просто вы же сами

сказали, чтобы я быстрее посуду перемыла. Дескать, дел ещё много нынче утром. Да сами, наверно, помните...

Её хозяйка нахмурилась.

— Довольно, Нэнси, — совершенно шершавым голосом оборвала её мисс Полли. — Я в твоих объяснениях не нуждаюсь. Просто молчи и слушай.

— Да, мэм, — пискнула Нэнси, подавив вздох, и примолкла.

Вот наградил же её бог хозяйкой, которой вовек не угодишь, как ни старайся! Хотя кто его знает, какими бывают другие хозяйки. Раньше Нэнси ни у кого прислугой не работала, жила на родительской ферме с уютным названием «Уголки» километрах в десяти от города, но теперь нужда заставила. Неожиданно умер её отец, оставив вдову с детьми на руках. Детей было четверо, Нэнси — самая старшая, поэтому пришлось ей искать работу, чтобы поддержать семью. Вот так она и попала к мисс Полли Харрингтон, о которой знала лишь, что она — владелица старинного поместья Харрингтонов и одна из самых богатых женщин в городе. Но с тех пор прошло два месяца, и теперь-то Нэнси знала, что мисс Полли — хозяйка строгая; не очень, скажем прямо, приятная и нервная к тому же. Знаете, как она вздрагивает и хмурится, если вдруг дверь неожиданно хлопнет или ножик со стола на пол упадёт? А впрочем, хмурится она и тогда, когда ножи и двери ведут себя смирно. Ни разу ещё Нэнси не видела, чтобы мисс Полли улыбнулась, хотя бы самую чуточку.

— ...а когда закончишь все свои утренние дела, освободи от вещей маленькую комнату в мансарде, ту, что возле лестницы, и принеси туда раскладную кровать, — монотонно продолжала мисс Полли. — Только сначала подмети там и приберись, как только коробки и баулы вынесешь. Ты слушаешь меня, Нэнси?

— Да, мэм. А куда мне вещи-то девать, которые я из той комнаты вынесу?

— Вещи?.. Переложи их к дальней стене, там, где окно над крыльцом, — мисс Полли пожевала губами, а затем добавила: — Полагаю, что должна поставить тебя в известность, Нэнси, о приезде моей племянницы, мисс Поллианны Уиттер. Ей одиннадцать лет, она будет жить у меня и спать в той комнате, которую ты должна прибрать.

— Девочка? К нам приезжает маленькая девочка, мисс Харрингтон? Ой, да это же просто замечательно! — обрадовалась Нэнси, моментально вспомнив о своих младших сестрёнках. От них на ферме «Уголки» даже в хмурый день становилось светлее.

— Замечательно? Честно говоря, это не совсем то слово, которое кажется мне подходящим, — своим суконным голосом ответила мисс Полли. — Нет, я, конечно, позабочусь о ней. Женщина я, надеюсь, добрая, свой христианский долг знаю и исполню его.

— Да, мэм. Само собой, мэм, — густо покраснела Нэнси. — Просто я подумала, что маленькая девочка... Ну, что с ней вам самой жить станет... веселее, что ли.

— Благодарю, — ледяным тоном ответила на это мисс Полли. — Но особого веселья, как ты говоришь, мне в настоящее время не требуется.

— Да.., нет.., но вы же наверняка должны быть рады. Всё-таки родная племянница приезжает. Дочка вашей сестры.., — рискнула продолжить Нэнси, которой очень хотелось сделать более тёплым и благожелательным приём, который ожидал здесь маленькую одинокую странницу.

— Заруби себе на носу, Нэнси, — высокомерно вздёрнула подбородок мисс Полли. — То, что моя сестра оказалась настолько глупой, чтобы необдуманно выйти замуж, а затем, что было уже полным безумием, наплодить никому не нужных детей, вовсе не означает, что я сама *желаю* возиться с ними. Но, как я уже сказала,

свой долг я знаю и надеюсь его исполнить. Всё. Хватит болтать. Принимайся за дело, Нэнси, и не забудь как следует вымести углы в той комнате, ясно?

— Да, мэм, — вздохнула Нэнси, вновь беря со стола кувшин. Он уже остыл, засох — придётся теперь отмывать его заново.

Поднявшись в свою комнату, мисс Полли снова достала письмо, которое пришло пару дней назад из какого-то городка на Дальнем Западе страны и оказалось для неё неприятной неожиданностью. Очень неприятной. На конверте значился адрес: мисс Полли Харрингтон, Белдингсвилл, штат Вермонт, а на вложенном внутрь листе бумаги было написано:

«Уважаемая сударыня! С прискорбием извещаю Вас о том, что преподобный Джон Уиттер две недели назад скончался, оставив сиротой свою дочь, девочку одиннадцати лет от роду. Кроме неё, после смерти преподобного практически не осталось никакого имущества, если не считать нескольких богослужебных книг. Впрочем, Вы сами наверняка знаете, что он был пастором в маленькой миссионерской церкви, где получал весьма скудное жалованье.

Пастор Уиттер был мужем Вашей покойной сестры, и с его собственных слов мне известно, что отношения между вашими семьями были не самыми лучшими. Однако перед смертью он выразил надежду, что в память о своей сестре Вы, возможно, не откажетесь принять его осиротевшую дочь, и она найдёт приют в семье своих родственников на Востоке. Именно поэтому я и пишу Вам.

К тому времени, когда Вы получите это письмо, девочка будет готова к переезду, и если Вам будет угодно взять её к себе, просим немедленно уведомить нас о своём решении. Дело в том, что в самое ближайшее время один местный прихожанин вместе со своей женой отправляется в Бостон. Они могли бы взять девочку с собой и в Бо-

стоне посадить на поезд, идущий до Белдингсвилла. Разумеется, мы Вам непременно сообщим о том, в какой день и каким поездом следует ожидать прибытия Поллианны.

С надеждой на быстрый и благоприятный ответ, искренне Ваш

Джереми О. Уайт».

Мисс Полли нахмурила брови, сложила письмо и вернула его в конверт. Ответ она отправила вчера, написав, что, конечно же, примет ребёнка. Мисс Полли Харрингтон очень хорошо знала свой христианский долг — так же хорошо, как и то, насколько ей будет неприятно выполнять его.

Присев на стул с письмом в руках, она стала вспоминать свою сестру, Дженни, мать осиротевшей девочки. Когда Дженни едва исполнилось двадцать лет, она вопреки желанию своих родственников настояла на том, чтобы выйти замуж за молодого священника. А ведь был у Дженни более интересный, более выгодный жених. Он-то как раз очень нравился всем членам семьи — кроме самой Дженни, естественно. Был тот жених постарше и намного, намного богаче. Да что, собственно, вообще имел за душой этот священник? Только полную юношеских мечтаний и дурацких идеалов голову да полное любви сердце... Дженни предпочла идеалы и любящее сердце, что, впрочем, было как раз очень похоже на неё. Короче говоря, вышла она за священника замуж и уехала вместе с ним в южные штаты, куда его направили миссионером, обращать в христианство неверующих.

С тех пор отношения между обеими семьями были разорваны. Это мисс Полли очень, очень хорошо помнила, хотя сама была в то время ещё совсем юной девушкой пятнадцати лет. С семьёй миссионера их больше ничто не связывало. Нет, если уж быть совершенно точным, то сама Дженни полностью родственные нити не обрывала, писала время от времени. Сообщила,

например, что своего последнего ребёнка, девочку, назвала Поллианной в честь двух своих сестёр — младшей Полли и средней Анны. То письмо, кстати, стало последним, которое они получили от Дженни. Спустя несколько лет им пришло коротенькое, буквально в пару строк, письмо от миссионера о том, что Дженни умерла. Оно было отправлено из какого-то маленького захолустного городка на Дальнем Западе. После этого наступило полное затишье — как говорится, ни слуху ни духу о священнике-миссионере и его дочери.

А время на месте не стояло, и сейчас, глядя из окна на далеко расстилавшуюся внизу под холмом долину, мисс Полли невольно задумалась о тех переменах, которые произошли с обитателями этого большого дома за те двадцать пять лет, что пролетели после отъезда Дженни.

Собственно говоря, за эти годы никого из семьи, кроме самой мисс Полли, и на свете-то не осталось. Мать, отец, сёстры — все умерли, все. Вот уже много лет, как мисс Полли осталась единственной хозяйкой в большом доме на холме и единственной наследницей капиталов её отца. А ещё она осталась одна, совершенно одна в этом мире. Да, находились, конечно, доброжелатели, уговаривали её обзавестись другом или хотя бы компаньонкой, чтобы кто-то жил рядом с нею, спасал от одиночества. Но не нужно было мисс Полли ни их сочувствие, ни их советы. В ответ она всегда говорила, что вовсе не чувствует себя одинокой, что ей совершенно никто не нужен, что ей даже нравится жить в тишине и покое. Но теперь...

Мисс Полли поднялась на ноги, нахмурилась, пожевала плотно сжатыми губами. Нет, она, конечно же, была рада тому, что не только сознавала свой долг, но и нашла в себе сил, чтобы продемонстрировать это. Это поступок, достойный *действительно* хорошей христианки, не правда ли?

Но вот только... *Поллианна...* Что за нелепое имя, прости, Господи!

Глава II
СТАРЫЙ ТОМ И НЭНСИ

Нэнси яростно скребла и тёрла полы в маленькой мансардной комнатке, обращая, разумеется, особое внимание на углы. Это был тот самый случай, когда она вкладывала столько сил в работу не столько из усердия, сколько из желания таким образом «выпустить пар». Что ж, при всей своей робости перед хозяйкой, святой Нэнси всё-таки не была и бесконечным терпением не отличалась.

— Вот так бы... мне... душу её почистить, — пыхтела Нэнси, подкрепляя каждое своё слово звучным шлепком швабры. — Все закутки... все... углы. Да, много раз пришлось бы... тряпку отжимать... и воду менять. Додумалась, тоже мне, ворона старая!.. Ребёнка... сиротку... и в эту душегубку запихнуть, где зимой... холодина, а летом... от жары не продохнуть. Будто у неё в доме других комнат нету!.. Да здесь целую роту солдат разместить можно! Так нет же!.. Самую плохую клетушку выбрала!.. И для кого! Для сиротки, а?.. Как это она сказала, вобла сушёная? Ага... *ненужные* дети, вот! — Нэнси сильно, до побелевших костяшек пальцев, отжала тряпку и в сердцах повторила: — Ненужные дети! По-моему, не дети здесь никому не нужны! Здесь кое-кто другой явно лишний, кое-кто другой!

После этого она некоторое время работала молча, но закончив уборку, вновь заговорила, с отвращением осмотрев пустую комнатку.

— Ну ладно. Своё дело я сделала, всё тут чистенько стало, а уж всё остальное не в моих силах. Бедная, бедная девочка! Это ж какой камень вместо сердца иметь нужно, чтобы запихнуть в эту конуру маленькую бездомную сиротку, а? — расчувствовавшись, Нэнси вышла в коридор и с грохотом захлопнула за собой дверь. Спохватилась, испуганно прикусила губу, но затем запальчиво добавила, махнув рукой: — И наплевать! Надеюсь,